

ПАТРИОТИЗМ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В МАНЬЧЖУРИИ

(20—30-е годы XX в.)

Светлана Ивановна ЛАЗАРЕВА,

кандидат исторических наук

Российская эмиграция, оказавшаяся в 20—30-е годы в Маньчжурии, родилась из политических потрясений в России в начале XX в. Но по своему характеру она не была чисто политической. Проблемы политической борьбы не являлись главными для беженцев. Основная масса людей, оказавшихся за пределами советской России после октября 1917 г., в ходе гражданской войны 1918—1922 гг. и после ее окончания не принимали активного участия в политическом противостоянии властей, утверждавшихся в России. Большинство из тех, кто бросил родные места под воздействием неуверенности, страха, растерянности в годы крушения сложившегося образа жизни, относились к числу колеблющихся. Они прежде всего были заняты борьбой за выживание на чужбине. Поэтому идейные противники советской власти в среде эмигрантов, как считают ряд исследователей, были «песчинками в море»¹. По разным источникам, активной политической деятельностью занимались от 3 до 5% эмигрантов².

Основная часть эмиграции, и в первую очередь интеллигенция, хотела бы делом служить Отечеству, но при этом не испытывала желания заниматься политикой. Анализ имеющихся источников и литературы позволяет говорить о том, что важнейшую черту жизни эмигрантов составляло осмысление ими своего отношения к Родине, к новой России. Уже с начала 20-х годов оно стало главным фактором идейно-политического размежевания российской эмиграции.

Дальневосточная эмиграция в политическом плане была разноликкой: мысли, настроения, ценностные ориентации, идеи в ее среде носили разноплановый и подчас альтернативный характер. Переживания разлуки с Отечеством и беженская неустроенность, несомненно, роднили всех представителей эмиграции, а политические разногласия, нетерпимость к инакомыслию, отсутствие единого видения будущей России разделяли ее на части.

В основных чертах эмигранты, обосновавшиеся в Маньчжурии после октября 1917 г. и гражданской войны 1918—1922 гг., сохранили в своей среде весь политический спектр дореволюционной России, с той лишь разницей, что в числе их не были представлены большевики. Наряду с этим появилось большое количество новых, так называемых «пореволюционных» течений.

В историографии рассматриваемой проблемы под «пореволюционными» понимаются политические организации (национал-социалистические, российских солидаристов, младороссов, российские фашистские наряду с организа-

циями «устряловцев» и др.), которые возникли за рубежом после 1917 г. и считали невозможной реставрацию дореволюционного государственного состояния России. Они видели свой долг в борьбе за ее внутреннее преобразование в соответствии с новыми идеалами, направленными против идеологии большевиков³.

Основной причиной их появления принято считать поиски частью российской политической эмиграции, считавшей бывший монархический государственный строй изжившим себя, а социалистические и тем более коммунистические идеи в силу чужеродности для России неприемлемыми для страны, новых путей устройства России⁴. Однако автор статьи не ставит перед собой цели охарактеризовать всю историю политических организаций и дать анализ развития идейно-политической мысли российских эмигрантов. Эти вопросы уже получили рассмотрение в ряде работ российских исследователей⁵. Автор считает необходимым раскрыть в общих чертах лишь некоторые аспекты политической дифференциации российских эмигрантов в Маньчжурии, акцентируя внимание на такой проблеме, как определение ими своего отношения к Отчеству.

В советской историографии доминировала отрицательная оценка белоэмигрантов. Критиковались любые проявления общественной жизни, которые не вписывались в рамки официальных советских идеологических установок. Поэтому «белая эмиграция» определялась в целом как враждебная антисоветская сила⁶. Предвзятое отношение к белой эмиграции доминировало также и в публицистических работах. Вследствие этого как бы «не замечалось», что и среди данной части беженцев многих очень беспокоила судьба Отечества, волновал свой долг перед ним; этим многим были присущи честность, жертвенность и другие позитивные качества. Наряду с негативными оценками белой эмиграции в исторической литературе последних лет встречаются и противоположные мнения, абсолютизирующие ее роль, указывающие на то, что белоэмигранты являлись едва ли не единственной русской духовной и нравственной силой.

На наш взгляд, та часть белой эмиграции, стержнем которой был идеал борьбы за свободную Россию, сохранила эту идею и на чужбине. Определяющими в ее взглядах были не реставрационные надежды, не озлобленность и некий политический расчет, а определенные духовно-нравственные критерии и прежде всего подлинный патриотизм и борьба за идеал. Нельзя не согласиться с исследователем С.В. Варшавским, который отмечал, что «Основным в этом идеале был патриотизм, любовь к России как к чему-то священному, соединенному с правдой, с добром, со всем, что есть в мире нравственно прекрасного. Близкое к мистической любви, возвышающее и благоговейное чувство, в котором расцветает все героическое, что есть в человеческих душах: рыцарская готовность вершить подвиг и отдать свою жизнь»⁷.

Однако следует иметь в виду, что у российских эмигрантов, находившихся как в Европе, так и в Китае, планы решения одной из главных политических задач — «возрождение новой России» — имели как созвучные мысли, так и существенные различия. Последние во многом определялись особенностями дальневосточной эмиграции. Во-первых, в Маньчжурии не было таких именитых руководителей политических партий, как в Европе. Лидеры монархистов, кадетов, меньшевиков, эсеров и других партий обосновались в городах Европы — Праге, Париже, Берлине и др. Во-вторых, партии, группы и организации здесь были малочисленнее чем в Европе. Основные силы старых политических партий уехали в Европу в 1918—1920 гг., в то время как на Дальнем Востоке они в эти годы еще стояли у власти или входили в состав демократических

правительств. И только в конце 1922 г. вынуждены были эмигрировать в Маньчжурию. В-третьих, эмигрантским политическим партиям и общественно-политическим движениям пришлось в Маньчжурии работать в условиях тоталитарного режима, который был во многом схож с режимом на Родине. Все это, несомненно, накладывало свой отпечаток на осмысление эмигрантами их отношения к России.

Передовая часть дальневосточной эмиграции высказывала глубокую убежденность в том, что только любовь к отечественной культуре, борьба за освобождение России от коммунистического ига, а также борьба за Человека позволяет русским эмигрантам достойно войти в родное Отечество. Такое понимание патриотизма и своего долга перед Родиной активно поддерживалось в рядах различных организаций российской эмиграции, сохранивших верность белой идее.

Наиболее крупной в этот период было Маньчжурское отделение Русско-го Общевоинского Союза (РОВС), созданное не как политическая, а как военная организация (создан в 1924 г. в Париже известным военачальником белой армии генералом Н.П. Врангелем). Служение Родине как величайшей святыне члены этой организации провозглашали своим высшим долгом и смыслом всей жизни⁸. Они считали, что с окончанием гражданской войны борьба с советской властью не закончена, а лишь временно приостановлена, что свержения большевизма надо добиваться всеми возможными способами и что именно организованным монархическим силам суждено стать главной опорой национально-государственного и культурного возрождения будущей России. Схожие представления были распространены и в рядах Маньчжурского отделения «Братства русской правды» (БРП), другой военизированной организации, существовавшей на протяжении 20—30-х годов и выступавшей с позиций «активизма». Члены организации возлагали большие надежды на скорое всенародное восстание в СССР⁹. Однако в целом существенных успехов в реализации своих планов на территории Советского Союза военизированным организациям добиться не удалось. При этом основной ошибкой российской белой эмиграции, как отмечают многие исследователи, была переоценка собственного авторитета в глазах российского (советского) народа, его готовности к новой социальной революции.

Гибель партий в России, дореволюционного мирозерцания привела к появлению течений и организаций, принявших рождение нового государства, новой эпохи. Еще в годы гражданской войны некоторые представители российской интеллигенции предлагали сменить тактику по отношению к советской власти. Одним из таких был Н.В. Устрялов — профессор Харбинского юридического факультета. В 1920 г. он издал сборник статей «В борьбе за Россию», в котором предлагал свой путь для «национально-патриотических элементов» страны¹⁰. Он выступил с поддержкой советской власти, которая в тех условиях казалась ему единственной реальной силой, способной управлять страной и отстаивать национально-государственные интересы. «Сменовеховство» получило свое оформление и название после издания в 1921 г. сборника «Смена вех», вызвавшего широкий отклик как в эмиграции, так и в советской России. Одной из основополагающих его идей стало признание возможности объединения с большевиками на почве патриотизма. Главными аргументами «сменовеховства» были государственная целостность и национальные интересы. «Устряловцы» разработали концепцию эволюции общественно-политического и экономического строя России. Но, как показала жизнь, идеи сменовеховцев в ближней перспективе были утопичны, однако они носили

патриотический характер, так как отражали осознание частью российской интеллигенции трагедии народа, предлагали пути выхода из создавшейся ситуации.

Начиная с 30-х годов, в идейно-политическом спектре российской эмиграции стали заявлять о себе течения, вовлекавшие в свою орбиту молодое поколение эмигрантов и основывавшиеся на религиозно-националистических ценностях. Молодежь, выросшая на чужбине, мало что знала о Родине, но патриотические чувства были присущи и ей, поскольку старшее поколение эмигрантов воспитывало ее в духе любви к России и веры в нее, гордости за принадлежность к русской нации.

В качестве главной задачи организаций, основывавшихся на таких идеалах, выдвигалось воспитание эмигрантской молодежи в духе православной веры, приверженности к национальным культурным ценностям, любви к Отечеству и служения русскому народу. Они отвергали либерально-демократические принципы, которыми руководствовались их отцы, неприемлемой для них была и ставка на интервенцию и «активизм». Главную цель эти организации видели в подготовке молодежи к государственной и общественной деятельности в будущей освобожденной России.

Такие задачи ставило перед собой широко известное в 30-е годы Общество русских девушек (ОРД), или, как его еще называли, Союз русских девушек, по уставу ОРД была аполитичной организацией, созданной при Харбинском комитете помощи русским беженцам (ХКПРБ), однако на практике общество ставило перед собой и политические задачи — освобождение России от большевизма. Важнейшей составной частью деятельности ОРД являлась агитационно-воспитательная работа с эмигрантами, направленная на формирование у них «великороссийского государственного мышления»¹¹. Большое внимание члены организации уделяли рассмотрению вопросов устройства будущей новой России после свержения тоталитарного режима. На заседаниях высказывались диаметрально противоположные точки зрения на обстановку в России: от оптимистической — быстрой трансформации советской власти в нормальную демократическую систему до мрачной констатации прочности большевистского режима и вытекающей из этого невозможности политических перемен в стране в ближайшем будущем (такой взгляд, как известно, был ближе к истине).

К постреволюционным течениям относился и Национально-трудовой союз нового поколения (НТС НП). Главным в контурах будущего государства этот союз видел принцип «национально-трудового солидаризма». Под ним понималось признание нации высшим социокультурным организмом, а национализм представлялся как духовное воплощение связи поколений, побуждающих к служению России и сплочению всех на основе осознания своего национального достоинства, гордости за Отечество¹². Следует отметить, что НТС НП был не просто союзом единомышленников, идейно-политическим движением или партией, а боевой организацией. В 30-е годы идейно, организационно и тактически союз был близок к типу фашистских организаций. Члены союза считали, что именно те силы, которые исповедуют идеологию национал-социализма, призваны освободить Россию.

Вместе с тем «солидаризм» и фашизм были разными течениями русского национализма. Для НТС НП в отличие от фашистов не были характерны чело-веконенавистнические взгляды, культ насилия, расовой и национальной исключительности. Солидаризм определялся как божественный закон человеческого сожительства, слагаемого на принципах религиозной нравственности, социальной справедливости и национального служения.

Однако в 30-е годы все более возрастающее значение в политическом спектре российской эмиграции стали приобретать различные организации ярко выраженного фашистского толка. Среди них наиболее сильные позиции были у русских фашистов Маньчжурии. Для этого у них имелась и существенная база — русские учебные, культурные и общественные заведения, созданные в г. Харбине в 20—30-е годы. В 1925 г. там создали Российскую фашистскую организацию (РФО), ставшую в 1931 г. партией (с 1934 г. — всероссийской фашистской партией (ВФП). Точных сведений о численности организации не сохранилось, но по данным исследователя С.В. Онегиной в 1934 г. число членов РФО в Харбине достигло 2 тыс. человек, по всей Маньчжурии — 6 тыс. человек. Всего за период существования РФО (1931—1943 гг.) членами партии были около 30 тыс. человек¹³. При этом надо отметить, что ее деятельность ограничивалась фактически одной Маньчжурией¹⁴.

Члены фашистской партии считали, что каждой эпохе свойственна своя ведущая идея. В прошлом такими идеями были либерализм, демократия и коммунизм. На смену им в ходе антикапиталистической и антикоммунистической революции приходит, по их мнению, «эра фашизма». Каждый народ, считали члены РФП, создаст свой фашизм, сочетающий «общемировые формы» с национальными традициями. Для России эти традиции, как полагали русские фашисты, воплощались в идеале Святой Руси — государства, основанного на православной вере и социальной справедливости¹⁵. Первоначально члены фашистской организации придерживались монархических взглядов, но в 30-е годы возобладала концепция создания «Великой Российской фашистской империи» во главе с вождем, а не царем. В этом, видимо, сказалось влияние немецкого национал-социализма.

Отношение к фашизму стало, можно сказать, серьезным экзаменом для российской эмиграции. Советско-германский пакт 1939 г. и последовавшие за ним события оттолкнули почти всех российских эмигрантов от идей фашизма¹⁶.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

отношение эмигрантов к Отечеству не было однородным;

многие воспринимали Отечество и советскую власть как бы отдельно друг от друга, по-разному соотнося эти понятия между собой; в понимании этих людей Россия, находившаяся под большевистским режимом, вообще не могла быть Отечеством, подлинно русскими эмигранты считали самих себя;

большинство представителей эмиграции свое отношение к Отечеству пропускали сквозь сердце и разум, а не рассматривали это отношение с точки зрения выгоды и расчета, ожесточенное восприятие ими СССР было ожесточением к политическому режиму, но не к Отечеству, русскому народу и его культуре; патриотизм для российских эмигрантов был желанием блага народу, государству, Отечеству;

патриотизм в эмиграции воспринимался в неразрывной связи с национальной культурой и исторической традицией, основывался на критическом осмыслении, а не на отказе от прошлого Родины, равно как и от настоящего;

патриотизм основывался на национальной идентификации, проблемах творчества, семейно-бытовых привязанностях и ностальгии. Для большинства российских эмигрантов «антибольшевизм» не был определяющей чертой отношения к советскому строю. Поэтому им было присуще и позитивное восприятие многого из того, что происходило в СССР, российские эмигранты в Маньчжурии в большинстве своем в течение многих лет сохраняли в сознании и сердце любовь к Отечеству и неистребимую надежду на непременно воссоединение с ним.

- ¹ Квакин А.В. Общее и особенное в положении российской диаспоры первой волны. Тверь, 1992; Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919—1939. М., 1994 и др.
- ² Боханов Е. Такая разная эта эмиграция // Книжное обозрение 1993. №36. С.12.
- ³ Онегина С.В. Пореволюционные движения российской эмиграции в 20—30-е годы: (К истории идеологии) // Отеч. история. 1998. №4. С.87—99.
- ⁴ Там же. С.88.
- ⁵ Верба И.А., Гусарова Л.О. С думой о родине на чужбине: Эволюция русских политических партий в эмиграции (1920—1940 гг.) // Кентавр. 1995. №3. С.96—113; Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. Т.1; Становление и крушение однопартийной системы в СССР. 1917—1991. Гомель, 1995. С.51—77; Омельченко Н.А. Политическая мысль русского зарубежья: Очерки истории (1920 — начало 1930-х годов). М., 1997 и др.
- ⁶ Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987 и др.
- ⁷ Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М., 1992. С.26.
- ⁸ Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920—1945). Южно-Сахалинск, 1994. С.8; Дж. Стефан. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции. 1925—1945. М., 1992. С.64.
- ⁹ ГАХК. Ф.1128. Оп.1. Д.51. Л.191—192; Ф.830. Оп.1. Д.218. Л.3—6.
- ¹⁰ Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. Харбин, 1920 С.12.
- ¹¹ ГАХК Ф.1128. Оп.1. Д.51. Л.192, 193, 194.
- ¹² Солидаристы // Родина. 1992. №10.
- ¹³ Онегина С.В. Международные связи Российского фашистского союза в Маньчжурии // АСТА SLAVICA JAPONICA Tomus XIV 1996. С.160.
- ¹⁴ ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.90. Л.12—14.
- ¹⁵ Нация. 1936. №4.
- ¹⁶ Стефан Дж. Указ. соч. С.98, 99, 435.

SUMMARY. The article of Candidate of Historical Sciences Svetlana Lazareva «Patriotism of the Russian Emigrants in Manchuria» is about that part of emigration of the 20—30s who wanted to serve to their Motherland in word and deed. There were the aspirations of the emigrants-intellectuals. The article deals with the political spectrum of social organizations of emigrants who lived in Manchuria. In conclusion the author stresses that for years the Russian emigrants preserved in their hearts love for their Motherland and hope to join with her.